

Реформирование политики убежища и контроля нелегальной миграции: общеевропейский и польский подход¹

И.А. Захаров, М.М. Агафошин

Захаров Иван Андреевич — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; vanszah@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3838-169X

Агафошин Максим Михайлович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; agafoshinmm@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0245-0481

Аннотация

В статье рассмотрены направления развития общеевропейской и польской политики убежища и контроля нелегальной миграции после пика миграционного кризиса в 2015–2016 гг. Резкое усиление миграционной нагрузки на ЕС в этот период вскрыло системные проблемы политического регулирования миграции в ЕС и спровоцировало конфронтацию интересов национальных и наднациональных акторов в данной сфере.

Несмотря на сокращение объемов миграционных потоков из развивающихся стран Африки и Азии, кризис миграционной политики со временем усугубился.

Показано, что заметное влияние на направления ее реформирования оказала последовательная позиция Польши вкупе с консолидацией стран Вишеградской группы. Источниковой базой исследования выступают регламенты Европейского союза, проект нового Пакта о миграции и убежище, диагностический документ польской миграционной политики и другие программные документы, которые позиционируются как основа для готовящихся реформ.

Результаты анализа положений, касающихся политики убежища и контроля нелегальной миграции, свидетельствуют о приближении компромисса между интересами Польши и ЕС. В рассмотренных документах отдается приоритет секьюритизации и снижению рисков потенциальных миграционных кризисов. Ключевым механизмом реализации последнего выступает экстернализация миграционной политики за счет создания буферной зоны в Балканских странах, Северной Африке, Турции, на которые будет возложена функция координации миграционных потоков и их сдерживания.

Тем не менее эти меры потребуют не только существенного увеличения финансовых затрат, но и еще большего усиления роли наднациональных акторов, прежде всего Frontex и Агентства ЕС по вопросам убежища, за счет расширения их полномочий. Со своей стороны Польша усматривает в этом вызов для национального суверенитета, а также риски для национальной и региональной безопасности. Конфронтация национальных и наднациональных интересов создает угрозу для столь необходимой реформы рассматриваемых аспектов миграционной политики и снижает шансы успешного преодоления потенциальных миграционных кризисов для ЕС.

Ключевые слова: миграционный кризис, миграционная политика, нелегальная миграция, политика убежища, ЕС, Польша, экстернализация, секьюритизация

¹ Статья поступила в редакцию 15.06.2023.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Для цитирования: Захаров И.А., Агафощин М.М. Реформирование политики убежища и контроля нелегальной миграции: общеевропейский и польский подход // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 92–106 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-05

Введение

События, связанные с европейским миграционным кризисом, стали системным вызовом для ЕС, продемонстрировав существующие проблемы и сложности в реализации его миграционной политики. Страны региона оказались не готовы к приему резко возросшего потока нелегальных мигрантов и искателей убежища, что привело к кризису миграционных и пограничных служб ЕС. Обеспечение беженцев и просителей убежища временным жильем и пособиями становится все более сложной задачей для государств ЕС.

В результате в Европе все более популярными становятся партии и общественные движения, выступающие за резкое ужесточение миграционной политики [Krzyżanowski, 2018]. Особенно заметно это в транзитных странах ЕС, на которые легла задача координации миграционных потоков. Миграционный кризис заставил такие страны искать баланс между обязательствами, взятыми ими в рамках региональных договоров, и национальными приоритетами.

В связи с этим особую важность приобретает изучение подходов к контролю нелегальной миграции и развитию политики убежища в ЕС после пика миграционного кризиса в 2015–2016 гг. в контексте взаимодействия национальных и наднациональных акторов. В настоящей статье предпринимается попытка определить тенденции в развитии обозначенных аспектов миграционной политики на уровне ЕС в целом и его членов. В качестве примера последних авторы рассматривают Польшу – государство, которое оказывает заметное влияние на позицию ЕС по вопросам нелегальной миграции и стремится сохранить суверенитет в собственной миграционной политике.

Развитие политики убежища и контроля нелегальной миграции ЕС в условиях европейского миграционного кризиса

Управление миграционными процессами традиционно является одной из ключевых задач ЕС, которая нашла отражение практически во всех основополагающих договорах и соглашениях, заключенных между членами организации. В основе миграционной политики ЕС лежит концепция «многоуровневого управления» (МУУ), возникшая в начале 1990-х годов в рамках европейской интеграции. Развитие МУУ сопровождалось постепенным усилением влияния наднациональных институтов, порой в ущерб интересам государств – членов ЕС. Как было показано О.Ю. Потемкиной, цели миграционной политики на разных уровнях управления далеко не всегда совпадают, что затрудняет гармонизацию законодательства в этой сфере [Потемкина, 2020]. Правовую основу миграционной политики ЕС составляют несколько документов, среди которых особое значение имеет Лиссабонский договор (2007) [EU, 2007]. В его рамках учиты-

ваются все основные положения глобальных и региональных соглашений по вопросам миграции, в том числе Конвенция ООН о статусе беженцев (1951) и соответствующий Протокол (1967), Договор о функционировании ЕС (1957), Шенгенское соглашение (1985), Хартия ЕС по правам человека (2000).

В тексте Лиссабонского договора обозначается принцип солидарности стран по вопросам приема беженцев (ст. 63) и иммиграционной политики (ст. 63а), а также подчеркивается роль наднациональных институтов – Европейского парламента и Совета. Значительное внимание в последнее время уделяется вопросам предоставления убежища и контроля за нелегальной миграцией. Для стандартизации и оптимизации взаимодействия в данных сферах были созданы специальные организации, такие как EASO – Европейское бюро по вопросам предоставления убежища (2010) и Frontex – Агентство ЕС по безопасности внешних границ (2004). Однако их деятельность оказалась ограничена отсутствием достаточных полномочий и нехваткой кадров. Стандартизации также подверглась ответственность стран за решение о приеме искателей убежища. Так, согласно принятому в 1990 г., а затем пересмотренному в 2003 и 2013 гг. Дублинскому регламенту, ответственность за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища ложилась на «страны первого въезда» [Карпович, Зверева, 2021].

Реализация указанных соглашений и договоров сопровождалась ростом вовлеченности наднациональных акторов в развитие национальной миграционной политики членов ЕС. Это спровоцировало напряженность во взаимодействии национальных правительств и институтов ЕС в данной сфере, которая усилилась в условиях европейского миграционного кризиса. Особенно заметной стала оппозиция стран Вишеградской группы (В4), прежде всего Польши и Венгрии, а также других организаций, например Мед-5, которые настаивали на ужесточении миграционной политики, усилении контроля за внешними границами ЕС. Политическая консолидация таких организаций позволила запустить процессы трансформации миграционной политики в ЕС, которые были ориентированы прежде всего на ее ужесточение и секьюритизацию [Абрамова, 2015].

Защита внешних границ ЕС от незаконного въезда граждан третьих стран и координация миграционных потоков были возложены на Frontex, полномочия которого в 2016 г. существенно расширились в рамках преобразования организации в Европейское агентство пограничной и береговой охраны [EU, 2016]. Frontex получил право постоянного присутствия в странах – членах ЕС, а в соответствии с положениями указанного документа (ст. 13, 15, 19, 40 и др.) оказался вправе требовать от них исполнения рекомендаций по преодолению потенциальных угроз внешним границам ЕС.

В 2019 г. Frontex подвергся очередной реформе, задачей которой стало расширение мандата Агентства за счет увеличения постоянного корпуса с 1,5 тыс. человек в 2016 г.² до 10 тыс. человек к 2027 г. [Frontex, n.d.] Предполагается, что этого будет достаточно для «эффективного удовлетворения существующих и будущих потребностей для реализации пограничных операций и операций по возвращению (нелегальных мигрантов. – *Примеч. авт.*) из ЕС в третьи страны, в том числе в рамках быстрого реагирования на будущие кризисы». С целью нивелирования потенциальных будущих угроз на внешних границах актуализируется концепция активного управления миграцией, которая *предполагает реализацию необходимых для этого мер в третьих странах*, что требует еще большего расширения мандата Агентства [EU, 2019, р. 1–2]. Такая формулировка позволяет говорить о том, что подготовка ЕС к очередному витку европейского миграционного кризиса, начавшемуся в 2021 г., велась достаточно давно.

² Этой цели Frontex достиг только к 2022 г.

Примечательно, что несмотря на подчеркнутую декларацию приверженности фундаментальным правам человека в отношении нелегальных мигрантов, в обозначенном выше документе речь, видимо, идет только о европейских государствах. Об этом свидетельствуют многочисленные данные о незаконной высылке мигрантов, а также регулярном нарушении прав нелегальных мигрантов и искателей убежища [Fink, 2020; Łubiński, 2022; Perkowski, 2018].

В период пика миграционного кризиса Еврокомиссия предложила механизм переселения лиц, нуждающихся в международной защите, по системе квот. Данный механизм предусматривал переселение 160 тыс. искателей убежища из Италии и Греции, на которые легла большая часть издержек реализации Дублинского регламента [Radjenović, 2020], однако Польша, а также ряд других стран саботировали реализацию этой идеи и настаивали на введении принципа «гибкой солидарности» [Басов, 2020; Хотивришвили, 2019]. Результатом их жесткой оппозиции, а также сложности в реализации переселения стала отмена системы квот [EPRS, 2017].

Резкое усиление миграционной нагрузки на ЕС в 2015–2016 гг. вскрыло системные проблемы общеевропейской миграционной политики и противоречия наднациональных и национальных акторов [Малахов, Касцян, 2020]. Принятие экстренных мер во многом было реализовано по инициативе В4, особенно Польши, а также других региональных организаций на фоне растущей социальной напряженности [Андреева, 2021; Agafoshin, Gorokhov, Dmitriev, 2022]. Несмотря на сокращение объемов миграционных потоков из Азии и Африки, кризис миграционной политики ЕС со временем лишь усилился. В настоящее время перед ЕС и его членами остро стоит проблема принятия новой концепции, которая помогла бы обеспечить эффективный контроль над миграционными потоками в Европу без ущерба для декларируемых ценностей.

Новый Пакт о миграции и убежище: тенденции в развитии наднациональной политики убежища и контроля нелегальной миграции

Ужесточение контроля за потоками нелегальных мигрантов было достаточно эффективным — число зафиксированных случаев нелегальных пересечений внешних границ ЕС ежегодно снижалось с 511 тыс. в 2016 г. до 126 тыс. в 2020 г. Однако с 2021 г. начался новый виток кризиса, число незаконных пересечений границ ЕС превысило 200 тыс., а уже в 2022 г. составило более 330 тыс. [Frontex, 2023].

На фоне интенсификации миграционных потоков уже в 2020 г. на обсуждение был вынесен новый Пакт о миграции и убежище [European Commission, 2020], который позиционируется составителями как основа новой миграционной политики ЕС. Этот документ призван реформировать Дублинский регламент, обеспечить реализацию принципа солидарности до 2024 г. В нем приведен внушительный список задач, реализация которых, с одной стороны, предусматривает большую гибкость в вопросах обязательного распределения искателей убежища для стран, не желающих их принимать, и определенную гуманизацию Дублинских правил, согласно которым искатели убежища будут иметь возможность подавать заявления в стране, где проживают их близкие родственники или где они недавно учились или работали [Карпович, Зверева, 2021]. С другой стороны, реализация задач Пакта сводится к выстраиванию более жестких входных барьеров и акцентированию механизмов экстернализации миграционной политики за счет заключения соглашений о реадмиссии с транзитными странами и странами исхода мигрантов.

В случае принятия Пакта ЕС сможет сократить число прибывающих на его территорию искателей убежища и нелегальных мигрантов благодаря «процедуре быстрого возвращения»; фактически речь идет о выдворении. Проведенная реорганизация в 2021 г. EASO в Агентство Европейского союза по вопросам убежища (EUAA) с наделением его расширенными полномочиями была направлена на упрощение и ускорение процедуры рассмотрения ходатайств и одновременно более быстрое осуществление высылки тех, чье ходатайство отклонено. При этом в тексте Пакта особо подчеркивается, что при исполнении всех процедур права мигрантов будут соблюдаться, что, как показывают события на границе Польши и Беларуси в 2021 г., не мешает местным властям действовать вразрез подобным заявлениям.

В п. 2.5 Пакта обращается внимание на то, что лишь треть мигрантов, не имеющих оснований для пребывания в странах Европы, действительно их покидает, что осложняется проблемой «вторичных перемещений» [Agu, 2022]. В связи с этим в документе подчеркивается необходимость стандартизации процедуры возвращения нелегальных мигрантов и создания соответствующей системы на уровне ЕС. Для усиления контроля за внешними границами и высылки нелегальных мигрантов в п. 4.1–4.2 предусмотрено создание системы «Европейское интегрированное управление границами», в рамках которой планируется гармонизировать иммиграционную политику членов ЕС и повысить эффективность их взаимодействия. Это будет обеспечено путем совершенствования дактилоскопической системы Eurodac, предполагающего устранение бюрократических барьеров для отслеживания вторичных перемещений нелегальных мигрантов и искателей убежища, а также ускорения процедуры быстрого выдворения.

Помимо усиления внутреннего контроля за соблюдением миграционного законодательства, данная система предполагает расширение сотрудничества с третьими странами в рамках депортации и реадмиссии (п. 6.5). В 2023 г. Frontex уже развернул свою деятельность в Балканских странах, не входящих в ЕС, – Албании, Сербии, Северной Македонии, Черногории; переговоры также ведутся и с другими странами, например с Боснией и Герцеговиной [Council..., 2023].

Также в п. 4.3 отмечается, что «ЕС будет укреплять сотрудничество со странами происхождения и транзита для предотвращения перемещений, грозящих гибелью для мигрантов, и незаконных пересечений границы, в том числе в рамках двусторонних соглашений о борьбе с контрабандистами, занимающимися незаконным ввозом мигрантов».

Борьба с деятельностью контрабандистов, в соответствии с п. 5, будет вестись за пределами ЕС совместно с партнерами, с которыми удалось достигнуть соответствующих соглашений; среди них упоминаются Турция, страны Балканского полуострова, Нигер, Ливия и Африканский союз в целом. Для мотивации третьих стран участвовать в достижении целей миграционной политики ЕС используются финансовые инструменты – различные целевые фонды. Примером таких инструментов является Экстренный трастовый фонд для помощи в развитии Африканских стран, который фактически предоставляет денежные компенсации странам в виде инвестиций за реадмиссию, репатриацию и сдерживание нелегальных мигрантов на их территории [Жерлицына, 2022]. Иллюстрацией последствий применения такого подхода может служить Рабатский процесс, реализация которого привела к капсулизации миграционного кризиса в Западной Африке, что серьезно усугубило социально-экономические проблемы в этом регионе.

Благодаря экстернализации миграционной политики, ЕС получает возможность использовать граничащие с ним Балканские страны, Турцию и Северную Африку в качестве буферной зоны, на которую будет возложена функция координации потоков

мигрантов и беженцев, а также их сдерживания в случае повторения миграционного кризиса. Снижение миграционного давления на буферную зону, судя по всему, будет обеспечено путем переселения людей в развивающиеся страны Африки и других регионов. Так, к примеру, в 2017 г. из Ливии была произведена «добровольная» эвакуация почти 3 тыс. беженцев в Нигер в рамках «Механизма экстренного транзита» или Нимейского механизма, а в 2019 г. несколько сотен людей были «переселены» в Руанду [Claes, Botti, 2019]. При этом ни одна из этих стран не может гарантировать безопасность беженцев и соблюдение их прав, то есть реализация подобных механизмов может противоречить принципу невыдворения. Вместе с тем ЕС давно планирует расширить финансирование социально-экономических проектов [Кулькова, 2016] и инициатив в сфере миграционной политики стран исхода мигрантов в Африке, Азии и Латинской Америке, что потребует существенного увеличения бюджета целевых фондов (п. 6.1, п. 6.3–6.4).

Приоритеты Польши в реформировании политики убежища и контроля нелегальной миграции

Сущностное содержание Пакта во многом согласуется со взглядами польских властей, которые выступают резко против приема беженцев из Африки и Азии и пропагандируют дискурс секьюритизации миграционной политики. Так, Польша в рамках В4 принимает активное участие в развитии Будапештского процесса, который был запущен в 1993 г. с целью ограничения нелегальной миграции сначала из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, а затем из стран Азии. Этот опыт впоследствии был использован ЕС при развитии аналогичных процессов по взаимодействию с другими регионами мира, например в рамках упомянутого выше Рабатского (2006–н.в.) и Хартумского процесса (2014–н.в.) и др. Практическая задача этих инициатив состоит в достижении договоренностей между ЕС и партнерами о реадмиссии нелегальных мигрантов, борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом людей и др. При этом содержание политических деклараций, составленных по итогам данных процессов, перекликается с положениями нового Пакта о миграции и убежище в части, касающейся ужесточения и экстернализации миграционной политики ЕС, хотя модальность текста документов сильно различается.

В этом контексте особый интерес представляет разработка новой миграционной политики Польши, которая должна заполнить правовой вакуум в сфере государственного регулирования миграционных процессов. Судить о ее приоритетах позволяет диагностический документ, подготовленный межведомственной группой по вопросам миграции Польши при экспертной поддержке Центра исследований миграции Варшавского университета, Польского национального банка, Национального бюро Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, Национального бюро Международной организации по миграции (МОМ) в 2020 г. [Departament..., 2020]. Помимо действующих правовых практик и общих задач миграционной политики, в документе анализируются проблемы, вызванные иммиграцией. При этом авторы отводят особое место вопросам нелегальной миграции (п. 3.1). В данном пункте подчеркивается необходимость усиления контроля за соблюдением установленных правил въезда на территорию страны. Это планируется обеспечить за счет модернизации существующей инфраструктуры в соответствии с общеевропейскими стандартами в рамках программ Eurodac, Шенгенской информационной системы, а также внедрения новых систем пограничного, полицейского, судебного сотрудничества. Реализация этих инициатив,

как следует из документа, потребует серьезных финансовых затрат для создания соответствующей инфраструктуры, а также внесения изменений в действующее законодательство.

При этом пограничный контроль в Польше и без того достаточно высокий — только в 2019 г. было выдано почти 100 тыс. отказов во въезде на территорию страны, выявлено более 11 тыс. иностранцев, нарушивших условия пребывания в Польше, и около 15 тыс. нелегально трудоустроенных мигрантов; вынесено порядка 30 тыс. постановлений, обязывающих иностранцев покинуть страну. С реализацией реформ эти цифры могут значительно вырасти, а контроль за миграционными потоками стать еще более жестким. О последнем свидетельствуют события на польско-белорусской границе в 2021 г., когда в приграничной зоне было введено чрезвычайное положение, а польские пограничники задержали более 2 тыс. просителей убежища из стран Ближнего Востока, многие из которых столкнулись с жестоким обращением и нарушением прав. Сообщается о досмотрах с полным раздеванием, размещении людей в переполненных помещениях с антисанитарными условиями, принудительном применении седативных препаратов, использовании электрошокера, а также о других формах физического и психологического насилия со стороны польских властей [Amnesty International, 2022].

Кроме этого, многим просителям убежища было отказано в пересечении границы, поэтому они были вынуждены жить в лесах на пограничье Польши и Беларуси до ноября 2021 г. при близкой к нулевой температуре; в результате многие из них стали жертвами переохлаждения. На фоне радушного приема беженцев с Украины такое обращение с выходцами из стран Ближнего Востока выглядит особенно жестоко, а декларируемая Варшавой преданность правам человека вызывает вопросы. Польская сторона, оправдывая свои действия, апеллирует к дискурсу об использовании мигрантов в качестве «оружия гибридной войны» [Nyles, 2023]. Этот довод также находит все большую популярность в странах Прибалтики, В4 [Łubiński, 2022] и других государствах ЕС. Более того, некоторые официальные лица выразили благодарность Польше за столь решительные действия, предпринятые для защиты внешних границ ЕС [Моргунова, Морару, 2022].

Авторы документа детально рассматривают проблему реализации политики возврата. В п. 3.2 конкретизируется процедура добровольной и принудительной высылки мигрантов. Основанием для применения этих процедур может быть как истечение срока правовых оснований для пребывания на территории Польши, так и нарушение законов страны. В случае добровольной высылки мигрант должен покинуть страну в течение 15–30 дней (в отдельных случаях — в течение года) самостоятельно или при поддержке МОМ, которую эта организация оказывает в рамках соглашения с Польшей. Принудительная высылка применяется, если нелегальный мигрант не покинул страну добровольно в установленный срок; совершил уголовное правонарушение или несет угрозу национальной безопасности.

В рамках последнего выделяются террористическая деятельность и шпионаж, а также *подозрение в участии в этих преступлениях*, что может быть основанием для задержания и ускоренной высылки мигранта. Финансовые расходы на осуществление высылки при этом ложатся на нелегального мигранта. Хотя большая часть выслоек осуществляется добровольно (уровень исполнения в 2019 г. составил почти 90%), контроль за нелегальной миграцией — серьезное бремя для Польши.

Важным инструментом для снижения финансовых и временных издержек, связанных с высылкой нелегальных мигрантов, являются соглашения о реадмиссии, заключенные с третьими странами, в том числе на уровне ЕС. Для повышения эффективности их реализации планируется расширить число третьих стран, в которых офицеры

связи Пограничной службы Польши будут нести службу. Например, в 2018 г. инициатива была реализована во Вьетнаме, в 2020 г. в Узбекистане с территориальной ответственностью, охватывающей Таджикистан и Кыргызстан. В задачи офицеров связи входит, прежде всего, взаимодействие с иностранными миграционными службами, в том числе по вопросам пресечения нелегальной миграции и высылки нелегальных мигрантов.

Несоразмерно меньше внимания в документе уделено вопросу беженцев (п. 4), число которых в Польше, до начала приема вынужденных мигрантов с Украины в 2022 г., было относительно невелико. В период с 2014 по 2020 г. Управление по делам иностранцев удовлетворило менее 3 тыс. из 48 тыс. заявлений о предоставлении международной защиты на территории страны. При этом из общего числа ходатайств 31 тыс. дел была прекращена в связи со вторичной миграцией заявителей за пределы Польши. В документе обращается внимание на реформу системы предоставления убежища в ЕС, которая передает большую часть полномочий в ее осуществлении наднациональным акторам. По мнению составителей, это создает угрозу для национального суверенитета государств – членов ЕС и негативно сказывается не только на национальной, но и региональной безопасности. Учитывая активное участие Польши в обсуждении нового Пакта о миграции и убежище, ее опасения могут замедлить его утверждение.

Параллельно с этим польские власти разрабатывают механизмы эффективной координации миграционных потоков, препятствуя проникновению мигрантов и беженцев из отдельных регионов мира, стремясь обеспечить защиту государственных границ. В частности, в п. 5.5 вышеупомянутого документа приводятся результаты социопроса 2015 г., согласно которым население Польши довольно негативно воспринимает присутствие в стране мигрантов из африканских и арабских стран, а также Турции; наиболее благоприятно воспринимаются выходцы из США, Чехии, Германии, а также Украины, Вьетнама, Беларуси и других стран. С ужесточением миграционной политики положение переселенцев из «нежелательных» регионов в Польше может оказаться еще более уязвимым, особенно в приграничных зонах, где права мигрантов и просителей убежища нарушаются регулярно. При этом Польша стала одним из крупнейших реципиентов вынужденных мигрантов с Украины. Как было показано О.А. Моргуновой и Н.-Ф. Морару, обоснованием их въезда стала Директива о временной защите (ДВЗ) 2001 г., предусматривающая предоставление временного убежища и доступа к рынку труда без процедуры индивидуального рассмотрения обращения за предоставлением статуса беженца. Однако ДВЗ не применялась в случае сирийцев и афганцев, бегущих от войны в Европу [Моргунова, Морару, 2022, с. 744].

В целом новая миграционная политика Польши характеризуется достаточно высоким уровнем проработки, однако она не лишена противоречий. С одной стороны, в ней артикулируется приоритет национальной безопасности, главной угрозой для которой считаются мигранты из «инокультурных» стран. С другой стороны, развитие экономики Польши практически невозможно без притока мигрантов из развивающихся стран. Сложившийся «либеральный парадокс» (по Д.Ф. Холлифилду) затрудняет принятие итогового документа, определяющего долгосрочную миграционную политику Польши. Наиболее ярко этот парадокс проявляется в политическом дискурсе. Например, в 2016 г. премьер-министр Польши Б. Шидло признала важность солидарности с ЕС, однако ее правительство не согласилось принять участие в программе переселения лиц, ищущих международной защиты. В 2017 г. президент Республики А. Дуда признал ее открытой страной, а уже в 2021 г. одобрил строительство колючей проволоки и стены на границе с Беларусью. Согласование новой миграционной политики также осложняется конкуренцией политических партий, использующих про- и антимиграционную

риторику. При этом представители власти Варшавы, Кракова, Гданьска, Люблина, Лодзя, Познани, испытывающие наиболее сильную миграционную нагрузку, не могли позволить себе затягивать обсуждение механизмов для преодоления последствий миграционного кризиса и разработали собственную миграционную политику. Городские администрации не только подготовили документы, декларации, рекомендации для правительства, но и создали специальные учреждения для поддержки мигрантов [Adamczyk, 2023]. Тем не менее эти инициативы пока что не привели к утверждению национальной миграционной политики.

Несмотря на трудности принятия государственной миграционной политики, Польша оказывает заметное влияние на развитие миграционной политики ЕС, настаивая на ее секьюритизации и экстернализации, а также более полной реализации принципа «гибкой солидарности». Для защиты национальных интересов Варшава имеет несколько рычагов давления. Во-первых, это сдерживающая и координирующая роль Польши на пути миграционных потоков на восточных фронтах ЕС, которая хорошо осознается странами – реципиентами мигрантов, например Германией. Во-вторых, широкая представленность Польши в Европарламенте, в котором она занимает 52 места, а совместно со своими ближайшими союзниками по В4 это число возрастает до 108. Еще одним важным каналом влияния является Совет ЕС, в котором в 2022 г. председательствовала Чехия, на 2024 г. запланировано председательство Венгрии, а на 2025 г. – Польши. Укрепление В4 после начала миграционного кризиса уже все чаще привлекает внимание других членов ЕС в качестве «ролевой модели» и заставляет Брюссель уделять большее внимание национальным приоритетам.

Заключение

В условиях миграционного кризиса, новый виток которого начался в 2021 г., ЕС и его члены столкнулись с необходимостью разработки и оптимизации инструментов политического регулирования потоков нелегальных мигрантов и беженцев. Сравнение тенденций в развитии этих аспектов миграционной политики на базе анализа программных документов ЕС и Польши позволяет говорить о приближении компромисса между их интересами.

Во многом именно последовательная позиция Польши, вкуче с консолидацией стран В4 [Podgórzńska, 2016], оказала заметное влияние на общеевропейские подходы к регулированию потоков нелегальных мигрантов и искателей убежища. В настоящее время эти изменения направлены на секьюритизацию и ужесточение миграционной политики, результатом которых должно стать снижение мощности их потока. В анализируемых документах отдается приоритет снижению рисков, связанных с потенциальными миграционными кризисами, тогда как соблюдение прав мигрантов третьих стран отходит на задний план, хотя соответствующие декларации в тексте остаются.

Ключевым механизмом для достижения этой задачи является экстернализация миграционной политики за счет создания буферной зоны в Балканских странах, Турции и государствах Северной Африки, на которые будет возложена функция координации и сдерживания потоков переселенцев. Это может свидетельствовать о том, что реализация задач миграционной политики ЕС без вовлечения третьих стран через разнообразные механизмы типа Будапештского, Рабатского, Хартумского и других процессов практически невозможна. Тем не менее подобные меры потребуют от европейских стран значительных финансовых затрат, что для некоторых из них может стать слишком тяжелым бременем в условиях замедления экономического роста. Вместе с

тем секьюритизация миграционной политики ЕС подразумевает еще большее усиление роли наднациональных акторов, таких как Frontex, Агентство ЕС по вопросам убежища, за счет расширения их полномочий в странах-членах.

Польша усматривает в этих процессах угрозу для национального суверенитета, а также риски для национальной и региональной безопасности. Возникающие в связи с этим противоречия между национальными и наднациональными интересами способны существенно замедлить реформу политики убежища и контроля нелегальной миграции в ЕС. При этом если раньше Польша была вынуждена практически безоговорочно принимать рекомендации ЕС, то после 2015 г. эта страна продемонстрировала готовность защищать собственные интересы, чему способствует ее значимость для координации и сдерживания миграционных потоков в Европу, а также консолидация В4.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамова И.О. (2015) Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности // Ученые записки Института Африки РАН. № 2. С. 127–136.

Андреева Л.А. (2021) Радикальный исламизм в школах Франции и Германии // Современная Европа. № 3. С. 139–148. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32021139148>.

Басов Ф.А. (2020) Вишеградская четверка и развитие европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 12. С. 87–95. doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95.

Жерлицына Н.А. (2022) Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогеодинамика регионов. № 3. С. 51–59. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-es-v-otnoshenii-tsentralno-sredizemnomorskogo-marshruta-migratsii-i-postradavshih-tranzitnyh-gosudarstv-sahelya-i-livii/viewer> (дата обращения: 01.10.2023).

Карпович О.Г., Зверева Т.В. (2021) Общая миграционная политика ЕС: новый старт? // Международная жизнь. № 7. С. 94–103. Режим доступа: <https://iamp.dipacademy.ru/media/files/publication-19-07.pdf> (дата обращения: 01.10.2023).

Кулькова О.С. (2016) «Безопасность – развитие» в отношениях ЕС со странами Африки // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 41–48.

Малахов В.С., Касцян К.А. (2020) Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение // Полис. Политические исследования. № 4. С. 139–151. Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10> (in Russian).

Моргунова О.А., Морару Н.-Ф. (2022) Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в постколониальном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22. № 4. С. 741–754. Режим доступа: <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754>

Потемкина О.Ю. (2020) Многоуровневое управление миграцией в Европейском Союзе // Современная Европа. № 2. С. 100–110. Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Olga-Potemkina/publication/341349718_MULTILEVEL_GOVERNANCE_OF_THE_EU_MIGRATION_POLICY/links/5f998776a6fdccfd7b8502ce/MULTILEVEL-GOVERNANCE-OF-THE-EU-MIGRATION-POLICY.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

Хотивришвили А.А. (2019) Внешняя политика стран Вишеградской группы в контексте европейского миграционного кризиса // Постсоветские исследования. Т. 2. № 6. С. 1411–1419. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-stran-vishegradskoy-gruppy-v-kontekste-evropeyskogo-migratsionnogo-krizisa/viewer> (дата обращения: 01.10.2023)

Adamczyk A. (2023) Polska polityka migracyjna i jej paradoksy [Polish Migration Policy and Its Paradoxes] // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. No. 1. P. 31–51. Режим доступа: <https://doi.org/10.14746/pp.2019.24.4.9> (in Polish).

- Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2022) Refugees From Syria and Iraq in Sweden: Resettlement During the Migration Crisis // *Baltic Region*. No. 4. P. 98–112. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-6
- Amnesty International (2022) Poland/Belarus: New Evidence of Abuses Highlights “Hypocrisy” of Unequal Treatment of Asylum-Seekers. Режим доступа: <https://www.amnesty.eu/news/poland-belarus-new-evidence-of-abuses-highlights-hypocrisy-of-unequal-treatment-of-asylum-seekers/> (дата обращения: 08.08.2023).
- Aru S. (2022) I Had No Idea That Europe Had Internal Borders: Migrants’ “Secondary Movements” Before the EU Internal Border Regime // *Environment and Planning C: Politics and Space*. Vol. 40. Issue 7. P. 1421–36. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/23996544221082383>
- Claes J., Botti D. (2019) A new normal: evacuations from Libya to Niger and Rwanda. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20230209115511/https://mixedmigration.org/articles/a-new-normal-evacuations-from-libya-to-niger-and-rwanda/> (дата обращения: 08.08.2023).
- Council of the European Union (EU) and the European Council (2023) Strengthening the EU’s External Borders. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/strengthening-external-borders/> (дата обращения: 08.08.2023).
- Departament Analiz i Polityki Migracyjnej MSWiA (2020). Polityka migracyjna Polski – diagnoza stanu wyjściowego. Режим доступа: <https://www.gov.pl/web/mswia/polityka-migracyjna-polski--diagnoza-stanu-wyjsciowego> (дата обращения: 08.08.2023).
- European Union (EU) (2007) Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community, Signed at Lisbon, 13 December // *Official Journal of the European Union*. C 306/1. P. 1–271. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/treaty/lis/sign> (дата обращения: 08.08.2023).
- European Union (EU) (2016) Regulation (EU) 2016/1624 of the European Parliament and of the Council of 14 September on the European Border and Coast Guard and Amending Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council and Repealing Regulation (EC) No 863/2007 of the European Parliament and of the Council, Council Regulation (EC) No 2007/2004 and Council Decision 2005/267/EC // *Official Journal of the European Union*. L 251/1. P. 1–76. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2016/1624/oj> (дата обращения: 08.08.2023).
- European Union (EU) (2019) Regulation (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council of 13 November on the European Border and Coast Guard and Repealing Regulations (EU) No 1052/2013 and (EU) 2016/1624 // *Official Journal of the European Union*. L 295/1. P. 1–131. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2019/1896/oj> (дата обращения: 08.08.2023).
- European Commission (2020) Communication From the Commission on a New Pact on Migration and Asylum. COM/2020/609 final. Brussels, 23 сентября. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020DC0609> (дата обращения: 08.08.2023).
- European Parliamentary Research Service (EPRS) (2017) Addressing Migration in the European Union. Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/EPRS/Migration_Compendum_2017.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
- Fink M. (2020) The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable // *German Law Journal*. Vol. 21. Issue 3. P. 532–548. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/glj.2020.20>
- Frontex (n.d.) Why Us. Режим доступа: <https://frontex.europa.eu/careers/who-we-are/why-us/> (дата обращения: 08.08.2023).
- Frontex (2023) EU’s External Borders in 2022: Number of Irregular Border Crossings Highest Since 2016. News Release. 13 January. Режим доступа: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/eu-s-external-borders-in-2022-number-of-irregular-border-crossings-highest-since-2016-YsAZ29> (дата обращения: 08.08.2023).
- Krzyżanowski M. (2018) Discursive Shifts in Ethno-Nationalist Politics: On Politicization and Mediatization of the “Refugee Crisis” in Poland // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. Vol. 16. No. 1–2. P. 76–96. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/15562948.2017.1317897>

Łubiński P. (2022) Hybrid Warfare or Hybrid Threat: The Weaponization of Migration as an Example of the Use of Lawfare. Case Study of Poland // Polish Political Science Yearbook. Vol. 51. No. 1. P. 1–13. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15804/ppsy202209>

Nylec W. (2023). Frame Analysis of the Discourse of Polish Weekly Magazines on the So-Called “Migrant Crisis” on the Polish-Belarusian Border in 2021 Based on the Example of “Sieci” and “Przegląd” // Media Studies. Vol. 24. No. 2. P. 179–189. Режим доступа: <https://studiamedioznawcze.eu/index.php/studiamedioznawcze/article/download/721/636> (дата обращения: 01.10. 2023).

Perkowski N. (2018) Frontex and the Convergence of Humanitarianism, Human Rights and Security // Security Dialogue. No. 6. P. 457–475. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1177/0967010618796670>

Podgórzńska R. (2016) The Migration Issue in Polish Foreign Policy Under the Migration Crisis in Europe // Reality of Politics. No. 7. P. 140–155. Режим доступа: https://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_15804_gor201610/c/20-562a1638-3f29-47e8-8afd-01f4fd3d53e2.pdf.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

Radjenovic A. (2020) Emergency Measures on Migration: Article 78(3). PE 649.325, European Parliamentary Research Service. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/649325/EPRS_ATA\(2020\)649325_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/649325/EPRS_ATA(2020)649325_EN.pdf) (дата обращения: 08.08.2023).

Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approaches¹

I. Zakharov, M. Agafoshin

Ivan Zakharov – PhD in Geography, Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; 30/1 Spiridonovka Ulitsa, Moscow, 123001, Russia; vansax@yandex.ru; ORCID iD – <https://orcid.org/0000-0003-3838-169X>

Maksim Agafoshin – PhD in Geography, Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; 30/1 Spiridonovka Ulitsa, Moscow, 123001, Russia; agafoshinmm@gmail.com. ORCID iD – <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Abstract

This article considers the development of pan-European and Polish asylum policy and control of illegal migration after the peak of the migration crisis in 2015–16. A sharp increase in the migration burden on the European Union (EU) during this period revealed systemic problems of political regulation of migration in the EU and provoked a confrontation of the interests of national and supranational actors. Despite the decline of migration flows from developing countries in Africa and Asia, the migration policy crisis has worsened over time. It is shown that the consistent position of Poland, coupled with the consolidation of the Visegrad Group, had a noticeable impact on the direction of migration policy reform. This study is based on the regulation acts of the EU, the new Migration and Asylum Pact, the diagnostic document of the Polish migration policy, and other programme documents that are positioned as the basis for the upcoming reforms. The results of the analysis of the provisions concerning the asylum policy and the control of illegal migration indicate that a compromise between national and supranational interests is emerging. The documents reviewed give priority to securitization and to reducing the risks of potential migration crises. The key mechanism for the implementation of the latter is the externalization of migration policy by creating a buffer zone in the Balkan countries, North Africa, and Turkey, which will be entrusted to coordinate migration flows and contain them in case of a crisis. Nevertheless, these measures will require not only a significant increase in financial costs, but also an even greater increase in the role of supranational actors, primarily Frontex and the European Union Agency for Asylum, by expanding their powers in EU members. For its part, Poland sees this as a challenge to national sovereignty, as well a risk to national and regional security. The confrontation of national and supranational interests carries risks for the much-needed reform of the aspects of migration policy under consideration and decreases the chances of successfully overcoming possible migration crisis.

Keywords: migration crisis, migration policy, illegal migration, asylum policy, EU, Poland, externalization, securitization

Acknowledgement: the research is supported by Russian Science Foundation under the grant № 22-18-00123: <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

For citation: Zakharov I., Agafoshin M. (2023). Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approach. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 3, pp. 92–106 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-05

References

Abramova I.O. (2015) Afrikanskaya transgranichnaya migraciya i problemy mezhdunarodnoj bezopasnosti [African Cross-Border Migration and International Security Issues]. *Journal of the Institute for African Studies*, no 2, pp. 127–36 (in Russian).

¹ This article was submitted 15.06.2023.

- Adamczyk A. (2023) Polska polityka migracyjna i jej paradoksy [Polish Migration Policy and Its Paradoxes]. *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*, no 1, pp. 31–51. Available at: <https://doi.org/10.14746/pp.2019.24.4.9> (in Polish).
- Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2022) Refugees From Syria and Iraq in Sweden: Resettlement During the Migration Crisis. *Baltic Region*, no 4, pp. 98–112. Available at: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-6>
- Amnesty International (2022) Poland/Belarus: New Evidence of Abuses Highlights “Hypocrisy” of Unequal Treatment of Asylum-Seekers. Available at: <https://www.amnesty.eu/news/poland-belarus-new-evidence-of-abuses-highlights-hypocrisy-of-unequal-treatment-of-asylum-seekers/> (accessed 8 August 2023).
- Andreeva L.A. (2021) Radikal’nyj islamizm v shkolah Francii i Germanii [Radical Islamism in Schools of France and Germany]. *Sovremennaya Evropa*, no 3, pp. 139–48. Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/sov-europe32021139148> (in Russian).
- Aru S. (2022) I Had No Idea That Europe Had Internal Borders: Migrants’ “Secondary Movements” Before the EU Internal Border Regime. *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol. 40, issue 7, pp. 1421–36. Available at: <https://doi.org/10.1177/23996544221082383>
- Basov F.A. (2020) Vishegradskaya chetverka i razvitie evropeiskoi integratsii [Visegrad Four and Development of European Integration]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 12, pp. 87–95. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95> (in Russian).
- Claes J., Botti D. (2019) *A New Normal: Evacuations From Libya to Niger and Rwanda*. Available at: <https://web.archive.org/web/20230209115511/https://mixedmigration.org/articles/a-new-normal-evacuations-from-libya-to-niger-and-rwanda/> (accessed 1 August 2023).
- Council of the European Union (EU) and the European Council (2023) Strengthening the EU’s External Borders. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/strengthening-external-borders/> (accessed 8 August 2023).
- Departament Analiz i Polityki Migracyjnej MSWiA (2020) Polityka migracyjna Polski – diagnoza stanu wyjściowego [Migration Policy of Poland: Diagnosis of the Initial State]. Available at: <https://www.gov.pl/web/mswia/polityka-migracyjna-polski--diagnoza-stanu-wyjsciowego> (дата обращения 8.08.2023) (in Polish).
- European Commission (2020) Communication From the Commission on a New Pact on Migration and Asylum. COM/2020/609 final. Brussels, 23 September. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020DC0609> (accessed 8 August 2023).
- European Parliamentary Research Service (EPRS) (2017) Addressing Migration in the European Union. Available at: http://www.europarl.europa.eu/EPRS/Migration_Compodium_2017.pdf (accessed 8 August 2023).
- European Union (EU) (2007) Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community, Signed at Lisbon, 13 December. *Official Journal of the European Union*, C 306/1, pp. 1–271. Available at: <http://data.europa.eu/eli/treaty/lis/sign> (accessed 8 August 2023).
- European Union (EU) (2016) Regulation (EU) 2016/1624 of the European Parliament and of the Council of 14 September on the European Border and Coast Guard and Amending Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council and Repealing Regulation (EC) No 863/2007 of the European Parliament and of the Council, Council Regulation (EC) No 2007/2004 and Council Decision 2005/267/EC. *Official Journal of the European Union*, L 251/1, pp. 1–76. Available at: <http://data.europa.eu/eli/reg/2016/1624/oj> (accessed 8 August 2023).
- European Union (EU) (2019) Regulation (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council of 13 November on the European Border and Coast Guard and Repealing Regulations (EU) No 1052/2013 and (EU) 2016/1624. *Official Journal of the European Union*, L 295/1, pp. 1–131. Available at: <http://data.europa.eu/eli/reg/2019/1896/oj> (accessed 8 August 2023).
- Fink M. (2020) The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable. *German Law Journal*, vol. 21, issue 3, pp. 532–48. Available at: <https://doi.org/10.1017/glj.2020.20>
- Frontex (n.d.) Why Us. Available at: <https://frontex.europa.eu/careers/who-we-are/why-us/> (accessed 8 August 2023).

- Frontex (2023) EU's External Borders in 2022: Number of Irregular Border Crossings Highest Since 2016. News Release, 13 January. Available at: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/eu-s-external-borders-in-2022-number-of-irregular-border-crossings-highest-since-2016-YsAZ29> (accessed 8 August 2023).
- Karpovich O.G., Zvereva T.V. (2021) Obshchaya migracionnaya politika ES: novyj start? [The EU's Common Migration Policy: A New Start?]. *The International Affairs*, no 7, pp. 94–103. Available at: <https://iamp.dipacademy.ru/media/files/publication-19-07.pdf> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Khotivirshvili A.A. (2019) Vneshnyaya politika stran vishegradskoi gruppy v kontekste evropeiskogo migratsionnogo krizisa [Foreign Policy of the Visegrad Group Countries in the Context of The European Migration Crisis]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no 6, pp. 1411–9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-stran-vishegradskoy-gruppy-v-kontekste-evropeiskogo-migratsionnogo-krizisa/viewer> (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Krzyzanowski M. (2018) Discursive Shifts in Ethno-Nationalist Politics: On Politicization and Mediatization of the “Refugee Crisis” in Poland. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, vol. 16, no 1–2, pp. 76–96. Available at: <https://doi.org/10.1080/15562948.2017.1317897>
- Kulkova O.S. (2016) “Bezopasnost’ – razvitiye” v otnosheniyah ES so stranami Afriki [“Security-Development” Nexus in the Relations Between the EU and the African Countries]. *Asia and Africa Today*, no 6, pp. 41–8 (in Russian).
- Lubiński P. (2022) Hybrid Warfare or Hybrid Threat: The Weaponization of Migration as an Example of the Use of Lawfare. Case Study of Poland. *Polish Political Science Yearbook*, vol. 51, no 1, pp. 1–13. Available at: <http://dx.doi.org/10.15804/ppsy202209>
- Malakhov V.S., Kascian K.A. (2020) Evrosoyuz pered litsom vynuzhdennoi migratsii: politicheskoe i yuridicheskoe izmerenie [The EU's Migration Dilemma: Legal and Political Dimensions]. *Polis: Political Studies*, no 4, pp. 139–51. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10> (in Russian).
- Morgunova O.A., Moraru N.-F. (2022) Diskursy “evropejskosti” v praktike predostavleniya ubezhishcha v postkolonial’nom kontekste [Discourses of “Europeanness” in Asylum Practices in the Postcolonial Context]. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 4, pp 741–54. Available at: <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754> (in Russian).
- Nylec W. (2023) Frame Analysis of the Discourse of Polish Weekly Magazines on the So-Called “Migrant Crisis” on the Polish-Belarusian Border in 2021 Based on the Example of “Sieci” and “Przegląd”. *Media Studies*, vol. 24, no 2, pp. 179–89. Available at: <https://studiamedioznawcze.eu/index.php/studiamedioznawcze/article/download/721/636> (accessed 1 October 2023).
- Perkowski N. (2018) Frontex and the Convergence of Humanitarianism, Human Rights and Security. *Security Dialogue*, no 6, pp. 457–75. Available at: <http://dx.doi.org/10.1177/0967010618796670>
- Podgórzńska R. (2016) The Migration Issue in Polish Foreign Policy Under the Migration Crisis in Europe. *Reality of Politics*, no 7, pp. 140–55. Available at: https://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_15804_rop201610/c/20-562a1638-3f29-47e8-8afd-01f4fd3d53e2.pdf.pdf (accessed 1 October 2023).
- Potemkina O. (2020) Mnogourovnevoe upravlenie migracij v Evropejskom Soyuze [Multilevel Governance of the EU Migration Policy]. *Sovremennaya Evropa*, no 2, pp. 100–10. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Olga-Potemkina/publication/341349718_MULTILEVEL_GOVERNANCE_OF_THE_EU_MIGRATION_POLICY/links/5f998776a6fdccfd7b8502ce/MULTILEVEL-GOVERNANCE-OF-THE-EU-MIGRATION-POLICY.pdf (accessed 1 October 2023) (in Russian).
- Radjenovic A. (2020) Emergency Measures on Migration: Article 78(3). PE 649.325, European Parliamentary Research Service. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/649325/EPRS_ATA\(2020\)649325_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/649325/EPRS_ATA(2020)649325_EN.pdf) (accessed 8 August 2023).
- Zherlitsina N.A. (2022) Strategiya ES v otnoshenii central’no-sredizemnomorskogo marshruta migracii i postradavshih tranzitnyh gosudarstv Sahelya i Livii [EU Strategy for the Central Mediterranean Migration Route and the Affected Transit States of the Sahel and Libya]. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*, no 3, pp. 51–9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-es-v-otnoshenii-tsentralno-sredizemnomorskogo-marshruta-migratsii-i-postradavshih-tranzitnyh-gosudarstv-sahelya-i-livii/viewer> (accessed 1 October 2023) (in Russian).